

Поднявшись с колен, Лю Мухань сам несмело ухватился за ладонь дяди Вана и, запрокинув голову, тихо произнёс:

— Дедушка Ван, пойдёмте.

Старик опустил взгляд, всматриваясь в бледное личико мальчика с невольным изумлением. Его собственное сердце до сих пор гулко и часто колотилось в груди. Три земных поклона, которые только что отвесил этот ребёнок, потрясли старого слугу не меньше, чем легендарная схватка величайших мастеров боевых искусств, свидетелем которой ему довелось стать в далёкой юности.

Тогда, много лет назад, он издали наблюдал за великой битвой за звание сильнейшего в Поднебесной. И сейчас, глядя на маленького Муханя, он испытывал то же самое щемящее, торжественное волнение, от которого перехватывало дыхание.

Дядя Ван ведь и сам когда-то постигал боевые искусства. Мечтал, как и всякий юнец, вершить справедливость, мчаться на лихом коне навстречу ветру и опасностям... Да только талантом небо обделило. Вот и пришлось на старости лет осесть в этом глухом, загородном поместье, доживая свой век в безвестности.

«Мухань... эх, бедолага, — с горечью подумал старик. — Какая жалость».

Обладай мальчишка здоровыми энергетическими меридианами, с его несгибаемой волей и характером он наверняка заставил бы весь мир боевых искусств содрогнуться. Из таких вырастают истинные титаны.

Но судьба оказалась жестокой шутницей. Хрупкий сосуд с несокрушимым духом был безжалостно разбит: энергетические меридианы разорваны в клочья, и впереди несчастного ждала лишь серая, убогая жизнь калеки.

Отогнав невесёлые думы, дядя Ван шумно вздохнул и погладил мальчика по плечу.

— В поместье веди себя смирно. И слушайся во всём.

— Хорошо, — послушно кивнул Мухань.

\*\*\*

Малое загородное поместье

Малое загородное поместье оказалось самым заурядным и невзрачным приютом. Ютилось оно в глуши, притиснувшись к подножию суровых гор, бесконечно далёкое от бурной жизни

цзянху. Но даже эта захудалая усадьба оставалась территорией ордена Свободного скитания, а потому простые люди обходили её стороной, не смея тревожить здешний покой.

Когда повозка дяди Вана наконец въехала во двор усадьбы, навстречу ей с весёлым гомоном высыпала гурьба деревенской ребятни.

— Дедушка вернулся!

— Дедушка Ван!

В тёмном углу повозки, съёжившись в комок и судорожно прижимая к груди свой узелок, лежал Лю Мухань. Ему кружилась голова, а тело казалось чужим и непослушным — мальчика немилосердно укачало в дороге. Он едва дышал, чувствуя, как последние силы покидают его.

Когда дядя Ван распахнул дверцу и увидел лежащего без чувств ребёнка, в груди у него шевельнулось глухое раздражение. Лишние хлопоты на старости лет.

Один из крутившихся у колес мальчишек ловко взобрался на подножку и ткнул грязным, худым пальцем в сторону Муханя.

— Деда, а это ещё кто?

Старик бережно, но поспешно поднял Муханя на руки и, вылезая наружу, строго проговорил внуку:

— А-Тянь, потише ты. Это молодой господин из главного ордена. Наш второй молодой барич. Теперь он будет жить с нами.

Ван Тянь хитро прищурился. С детским бесцеремонным любопытством он ухватился за край тонкой шёлковой одежды Муханя, ощупывая дорожную ткань.

— Ух ты, и правда барич! Гляди, деда, у него одёжка какая мягкая, у нас такой и в помине нет. А этот молодой господин теперь всегда будет со мной играть?

Дядя Ван ссадил полусонного Муханя на землю и добродушно усмехнулся:

— Конечно. Будет тебе товарищ для игр. Рад?

— Ещё как рад! — А-Тянь осклабился, задрав подбородок, и недобро прищурился. — Уж я-то о нём позабочусь, деда. Скучать ему точно не придётся.

Старик, не заметив скрытой угрозы в тоне внука, подхватил ослабевшего мальчика и понёс его вглубь усадьбы.

Ван Тянь спрыгнул с подножки обратно на землю, где его тут же обступила местная детвора.

— Ну что там, брат Тянь? Кого дед привёз? — зашептали мальчишки, толкая друг друга локтями.

— Небось, нагулянный какой?

— А вот в соседнем поместье сказывали, к тамошнему управителю тоже байстрюка притащили. Знаете, кто такие байстрюки? Это которых девки на стороне тайно рожают, а они потом приезжают наследство отбирать! Вредные они!

— Да завалите вы рты, — отмахнулся Ван Тянь, сплёвывая под ноги. — Какой ещё байстрюк? Это второй молодой господин из самого ордена Свободного скитания. Нам до него далеко.

— Целый молодой господин? А чего ж его тогда в нашу глухомань сослали, раз он такой важный?

— Слышал я, — встрял самый бойкий из пацанов, — будто глава ордена два года назад подобрал какого-то сироту и нарёк вторым сыном. Наверняка это он и есть. Моя мамка сказывала, что этот приёмыш — просто кость в горле у законной родни. Видать, делить добро мешал, вот его пинком под зад и выставили, чтоб под ногами не путался.

— Эй, брат Тянь, раз он молодой барич, у него ведь наверняка куча всяких ценных побрякушек при себе?

Вопросы так и сыпались со всех сторон, бередя зарождающуюся жадность в душе Ван Тяня.

— Цыц! Идите играйте во двор, а я пойду погляжу, что там к чему, — велел он и скользнул следом за дедом.

Ван Тянь бесшумно подобрался к главному дому и приник ухом к щели приоткрытой двери, за которой негромко переговаривались дед с бабкой.

— И за то, чтобы мы нянчились с этим недоноском, они дали такую жалкую горсть серебра? — донёсся недовольный, скрипучий голос старухи Ван.

— Да тише ты, старая! Я посчитал — там целая сотня лянов. С тех пор как нас сослали в это захолустье, мы таких денег в руках не держали!

Старуха Ван недовольно ворчала, но серебро тем не менее сгребла и торопливо припрятала в ветхий комод.

— Ладно уж, ради сотни лянов пускай поживёт в дровяном сарае по соседству. Но мне плевать, какой он там господин в своём ордене. Раз приехал сюда — будет пахать в поле наравне со всеми. Бездельников я кормить не стану.

— Ну разумеется, — закивал дядя Ван. — Я ему ещё по дороге сказал, что трудиться придётся. Он и слова против не вымолвил.

— Ещё бы он вякнул! — огрызнулась старуха, сверкнув глазами. — Скажи спасибо, что вообще приютили, а не выставили на мороз. Будет артачиться — вышвырну за ворота, и дело с концом!

Дядя Ван замялся, неловко потирая шею:

— Ну, старая, полно тебе. Он всё-таки названный сын главы ордена. Нельзя его просто так выкинуть.

Старуха Ван лишь презрительно фыркнула:

— Да сдался он своему папаше! Ты будто не знаешь, что за человек этот Лю Чэнчжи? Лицемер до мозга костей, святошу из себя строит, а сам... Тьфу! Заботься он о мальчишке по-настоящему, разве сослал бы в нашу дыру? С глаз долой — из сердца вон, вот как это называется. Просто избавился от лишнего рта, чтоб перед глазами не маячил.

— Давай пока присмотрим за ним, — примирительно пробормотал старик. — Глядишь, орден со временем ещё денег подкинет за содержание.

Лишь тогда старуха сменила гнев на милость и неохотно кивнула:

— Твоя правда. Пущай живёт.

Ван Тянь, притаившись у косяка, впитал каждое слово. Мальчишка понимающе усмехнулся. Поняв, что этот «молодой господин» здесь никто и заступаться за него бабка с дедом не станут, он развернулся и уверенным шагом направился к дровяному сараю.

Подойдя к хлипкой двери, А-Тянь с размаху ударил по ней грязным башмаком.

Бах!

Лю Мухань вздрогнул и мгновенно очнулся от тяжёлого забытья. В первый миг ему показалось,

что он всё ещё в страшных застенках ордена Свободного скитания. Сердце испуганно забилося в горле. Сжавшись в комок, мальчик испуганно забился в самый тёмный угол, чувствуя, как холодный пот струится по спине. Лишь через несколько секунд взгляд его прояснился.

В Ордене Свободного скитания его комната была убогой и сырой, но здешний деревянный сарай с его дырявой крышей и ледяным сквозняком казался сущим кошмаром.

Ван Тянь, глядя на то, как судорожно сжимается его жертва, издевательски расхохотался:

— Ну ты и трус! Дрожишь как осиновый лист. А ну вставай, пойдём на улицу, покажу тебе наши места.

Лю Мухань робко поднял на него глаза, в которых вопреки всему вспыхнул слабый лучик надежды:

— Правда?.. Ты действительно хочешь со мной играть?

— Чего ты мнёшься как девка? — А-Тянь шагнул вперёд и бесцеремонно схватил Муханя за запястье, волоча к выходу. — Шевелись, а то всё самое интересное пропустим!

Мухань покачнулся от резкого рывка, едва не пропахав носом грязный пол, но на душе у него впервые за долгое время стало тепло и радостно. С ним хотят дружить!

— Погоди, пожалуйста, — попросил он, мягко высвобождая руку. — Мне нужно убрать вещи.

Он бережно взял свой единственный узелок, который всю дорогу прижимал к груди, и аккуратно положил его на край соломенного тюфяка. Слегка погладил ткань ладошкой, словно проверяя, на месте ли сокровище, после чего сполз на пол и торопливо, стараясь не заставлять нового друга ждать, натянул поношенные туфельки.

— Я готов.

— А это что за барахло? — прищурился Ван Тянь, жадно разглядывая узелок.

Лю Мухань слегка покраснел от смущения:

— Это... это мне дедушка-лекарь подарил. Он очень, очень добрый.

А-Тянь пренебрежительно хмыкнул, но он задумал что-то недоброе:

— А, понятно. Ладно, пошли быстрее, а то не успеем.

Мухань радостно закивал:

— Да!

Они направились к выходу из сарая. На самом пороге Ван Тянь притормозил и обернулся, смерив Муханя тяжёлым взглядом с головы до ног:

— Беги за мной в оба глаза. Отстанешь хоть на шаг — и я больше никогда не буду с тобой знаться. Понял?

Мухань крепко сжал кулачки, готовый выложиться на пределе сил:

— Понял. Не отстану!

А-Тянь хищно улыбнулся и со всех ног припустил прочь из усадьбы. Лю Мухань устремился следом.

Вышедший во двор дядя Ван с удивлением проводил взглядом две уносящиеся фигурки.

— И куда это они так припустили? — пробормотал старик, почёсывая затылок. — На гору ведь побежали...

Старуха Ван, уже устроившаяся у порога с корытом для шитья и грудой старого тряпья, даже головы не подняла:

— Да пусть бегают. Мальчишки же, что им сделается в лесу.

Ван Тянь был признанным вожаком местной детворы и знал каждую тропку на этих склонах как свои пять пальцев. Он ловко лавировал между цепкими ветвями кустов, то и дело оглядываясь назад, чтобы проверить, увязался ли за ним хилый городской гость.

Лю Мухань, задыхаясь от непривычного бега, всё же упрямо держался позади. На его лице сияла искренняя, счастливая улыбка:

— Я... я успеваю!

А-Тянь лишь фыркнул, прибавляя ходу:

— Подумаешь, пробежал пару шагов и радуется. Ну-ка, догоняй!

И он устремился ещё глубже в гущу горного леса.

Мухань бежал за ним, не чувствуя ног. Сердце бешено колотилось в грудной клетке, пот катился градом, заливая глаза, но на душе было так легко, как не бывало за все два года жизни в ордене Свободного скитания. Никаких криков, никаких побоев и презрительных взглядов. Только свобода, ветер в лицо и весёлая игра!

Он полюбил это место. Всем сердцем полюбил!

Его бег стал легче, словно у него за спиной выросли крылья.

Но в следующий миг земля под его ногами внезапно исчезла.

— А-а-а-а!

Глухой удар выбил из лёгких воздух. Мухань кубарем покатился по холодной сырой земле и затих на дне глубокой ямы.

— Ха-ха-ха! Ну ты и растяпа! — раздался сверху злорадный голос Ван Тяня. — Как можно было не заметить охотничью яму на кабана? Она же глубоководная, отсюда даже дикие вепри выбраться не могут! Ну и глупый же ты, барич!

Лю Мухань со стоном приподнялся, потирая ушибленное плечо. Голова гудела, колени были содраны в кровь, но больше всего ему было стыдно перед новым другом. Он виновато зашептал, глядя вверх на темнеющий силуэт А-Тяня:

— Прости... Я, наверное, испортил тебе всю игру? Из-за меня теперь куча проблем...

— Ещё бы не проблемы! — недовольно буркнул Ван Тянь, усаживаясь на корточки у края ямы и глядя на него сверху вниз. — Если я вернусь один, дед мне всю задницу крапивой отхлещет. Ладно уж, так и быть, помогу тебе. Только верёвки у меня нет. Давай сюда свою куртку — шёлк крепкий, я тебя за неё вытащу.

Мухань, не задумываясь ни на секунду, торопливо стянул с себя верхнее платье и, скомкав, подбросил вверх. А-Тянь ловко поймал дорогую ткань, плотоядно ощупывая её пальцами.

— Штаны тоже давай. Чего замер? За них держать удобнее будет.

Мухань замялся. Это были его единственные штанишки из хорошей ткани, новые, сбережённые для особого случая. Ему было жаль их пачкать и отдавать.

Ван Тянь раздражённо прикрикнул:

— Ну? Или ты решил тут до ночи куковать? Нам ужинать пора!

Преодолевая стыд и сомнения, Мухань послушно стянул штаны и бросил их наверх. Теперь на нём остались лишь тонкие нательные шорты. Мальчик поёжился от внезапного укуса холодного горного ветра и задрал голову, ожидая, когда А-Тянь опустит ему импровизированный канат.

Прошла минута. Пять минут. Десять...

Тайга безмолвствовала.

Небо над головой стремительно затягивали тяжёлые, свинцовые тучи. Последние лучи заходящего солнца окончательно угасли, уступив место зловещему сумраку. Горный ветер завыл тоскливо и зло, швыряя в яму сухие листья.

Ван Тянь ушёл. И возвращаться не собирался.

Лю Мухань сидел на холодном дне ямы, поджав колени к груди и обхватив их дрожащими руками.

Сверху посыпалась мелкая, колючая водяная пыль. Дождь начинался медленно, неохотно, но вскоре небо прорвало. Тяжёлые ледяные капли застучали по лицу и обнажённым плечам мальчика, смешиваясь со слёзами.

Очень скоро он промок до нитки. Вода стекала по лбу, заливая глаза, но Мухань больше не пытался её вытирать. Он просто смотрел вверх, в непроглядную черноту ночного неба.

Последний огонёк надежды в его широко распахнутом взгляде медленно, безвозвратно угасал, уступая место мертвенной пустоте.

Его сознание начало уплывать в холодное забытие. И в самый последний миг, перед тем как окончательно провалиться во тьму, перед его мысленным взором вспыхнул ослепительный, неземной белый свет.